ГРЁЗЫ О МИРЕ

СОДЕРЖИТ НЕЦЕНЗУРНУЮ БРАНЬ

18+

ФЭНТЕЗИ-РОМАН

Павел Цыгоняев

Грёзы о Мире

https://litres.ru/74759714
SelfPub; 2026

Аннотация

Мир континента Кострaкс содрогнулся от войны. Ульрих, обиженный отказом Стефана направляет войска на соседнее королевство. Война измучала континет и Манфред решил положить этому конец, прибегая к самому грязному и жестокому цареубийству, взамен получая корону и страну на грани упадка и развивающуюся в его голове болезнь. Как Манфред будет справляться со всеми недугами?

Содержание

Пролог. Эпоха Черного Пепла 4
Глава I. Кровь на холодном камне 9
Глава II. Ут 18
Конец ознакомительного фрагмента. 19

Павел Цыгоняев
Грёзы о Мире

Пролог. Эпоха Черного Пепла

Говорят, что корона Рангельстрига отлита из чистого горного золота, но любой, кому доводилось держать её в руках, знает: изнутри венец подложен тяжёлым, тусклым свинцом. Золото ласкает взоры черни, свинец же медленно и неумолимо вдавливается в кость, разъедая рассудок венценосца.

Летописцы Ордена и столичные архивариусы позже назовут эти смутные годы **Эпохой Чёрного Пепла**. В прокуренных корчмах у трактов и убогих крестьянских землянках будут шептаться о вековом проклятии, дремлющем под плитами тронного зала в престольном Роллдейле. Старики станут пугать внуков россказнями о чарах, что обращают кровь любого взошедшего на помост в чернеющий яд. Но истина, как и всегда на Севере, была куда приземлённее, грязнее и страшнее застольных баек.

Трон Рангельстрига сам по себе являлся неизлечимым недугом. Абсолютная, неограниченная власть над сотнями тысяч душ, помноженная на вечный ужас получить лезвие кинжала под ребро из-за любого шевельнувшегося гобелена, разъедала человеческий ум свирепее лагерной чахотки.

Сперва уходил здоровый сон. Его сменяли полуночные кошмары, серый утренний пот и глухая тоска. Затем таяло доверие: в каждом верном слуге монарху начинал мерещиться отравитель, в каждом совете преданного воеводы — скрытая измена. А под конец в душе правителя оставалась лишь удушающая, слепая паранойя. Она обращала некогда благородных защитников отечества и мудрых законников в иссохших чудовищ, пытающихся залить собственные ночные призраки реками чужой крови.

Именно этот недуг сожрал без остатка старого короля **Ульриха**.

Сам Рангельстриг испокон веков был суровым краем. Это земля дремучих хвойных урочищ, где сосны стонут под порывами сырых северных ветров, серых гранитных кряжей. От златоглавого **Роллде́йла**в центре королевства, чьи крепостные валы высились над бескрайними сосновыми борами, до вольного портового города **Род**на неприступном западном взморье; от богатых хлебных полей и сырых железорудных штолен **Ру́дны**до угрюмых восточных застав порубежного **Ро́длена**— всё это королевство веками держалось на жилистых мозолистых руках рудокопов, терпении пахарей и несгибаемой верности межевых рыцарей. Этой земле требовался долгий покой. Но помутившийся разум Ульриха жаждал одного — триумфа, высеченного на могильных камнях.

Одержимый манией величия, Ульрих устремил полки

Рангельстрига на юг — на плодородные равнины соседнего королевства **Сте́рлих**.

Формальным поводом для похода послужила уязвлённая гордость стареющего монарха. Правитель южан, молодой и амбициозный Стефан II, наотрез отказался отдать свою единственную дочь в жёны венценосному безумцу, прислав ответ, сочащийся ядовитой вежливостью. Для Ульриха этого оказалось довольно. Армии Севера, бряцая кованым железом, перешли пограничную межу. Стерлих, богатевший на морской торговле южного **Сте́рланда**, ремесленных мануфактурах **Стро́ка**и виноградниках полуостровного **Серо́ма**, поначалу дрогнул под напором закалённых латников.

Северяне взломали передовые заслоны и после кровопролитного штурма взяли **Са́рком—** мощную каменную цитадель южан, контролировавшую главные перекрёстки на границе. Город пал. Ульрих перенёс туда свой походный двор, превратив чужую святыню в мрачную военную ставку оккупационных сил. Но кажущаяся лёгкой победа обернулась капканом.

Стефан Второй не запросил пощады. Война увязла в беспросветной позиционной резне. В вековых дубравах вокруг Саркома и у **Забытой деревни**разгорелась свирепая война: обозы северян жгли на лесных гатях, дозорных находили с перерезанными глотками прямо у костров, а казна в далёком Роллдейле стремительно таяла. Кузницы Рудны не успевали ковать клинки взамен зазубренных, пашни зарастали черто-

полохом из-за нехватки рабочих рук, а с юга на родину тянулись лишь телеги с безногими калеками да бесконечные скорбные списки.

В сырых покоях захваченного Саркома вокруг короля собрался Совет — пятеро мужей, державших в руках судьбу государства:

Золотой Господин— хранитель королевских сундуков, холёный и бледный старик, с немым ужасом наблюдавший, как бесконечные закупки зерна и фуража выгребают из подвалов последнее серебро;

Господин Закона— сухопарый законник в роговых очках, хранитель древних уложений, тщетно пытавшийся прикрыть параграфами указов расползающийся военный произвол;

Морской Господин— кряжистый, пахнущий ворванью и крепким табаком адмирал, чьё лицо было исполосовано шрамами от осколков горшков с . Он был единственным, кому затянувшееся побоище приносило баснословные барыши: пользуясь патентом короля, его корсарские эскадры безнаказанно разоряли богатейшие купеческие караваны от гаваней Рода до самого Серома;

Апостол Белый— владыка Церкви, чей белоснежный шёлковый омофор скрывал холодный, безжалостный ум искусного дипломата, ставившего интересы клира превыше людских страданий.

Манфред- Главный Советник короны, богатырского сло-

жения мужчина с пронзительно голубыми глазами. Он верил что убийство одного тирана смоет грех и вернёт мир на континенте.

И пока старый Ульрих упивался казнями пленных на бастионах Саркома, в замковых коридорах зрел заговор.

Из полумрака вышли двое. Главный Советник **Манфред**, И его верная сталь — безжалостный военачальник **Драко Крит**.

Они не знали, что, прерывая дни Больного Короля, они лишь принимают на свои плечи груз того же проклятия. Пройдёт меньше года, и указы Манфреда, прозванного Диким, отнимут у северных деревень последний хлеб ради военных складов, окончательно толкнув Рангельстриг в пожар братоубийственной резни. Но первый шаг в бездну был сделан здесь — промозглой осенью в чужом, пропахшем кровью и гарью Саркоме.

Глава I. Кровь на холодном камне

Весенний дождь хлестал по каменным плитам внутреннего двора замка Сарком с монотонным, усыпляющим шумом. Земля же вне замка давно превратилась в жидкое месиво из грязи, навоза и золы.

Дюжина пленных жителей Стерлиха стояли на коленях в этой жиже, связанные одной длинной пеньковой верёвкой. Среди них не было воинов — старый кожевник с разбитым лицом, трое юных подмастерьев и крестьяне из приграничных хуторов. Пар от их дыхания белыми струйками поднимался к свинцовому небу. На дощатом помосте, защищённом от ливня бархатным балдахином, на резном дубовом стуле сидел король Ульрих.

Манфред стоял позади трона, вжав голову в плечи. Его тяжёлые пальцы нервно перебирали бусы чёточного шнура. Он помнил каждую секунду того, что последовало дальше: глухой свист сыромятного бича, мерзкий хруст суставов и восторженный лай королевской своры волкодавов, которых псари спустили на ещё живых, бьющихся в агонии людей. Но самым невыносимым, врезавшимся в память воспоминанием оставался смех Ульриха. Король смеялся звонко, заливисто, почти по-детски запрокидывая голову и хлопая сухими ладонями по подлокотникам.

В тот полдень внутри главного советника оборвалась по-

следняя струна, связывавшая его с короной.

После того дня Манфред потерял покой. Едва веки смыкались, перед глазами вставали разорванные собачьими клыками тела, а в воздухе явственно чудился сладковатый дух свежей крови. Придворные, измождённые страхом перед непредсказуемым гневом владыки, искали встреч с советником в тёмных переходах замка.

—Манфред, умоляем вас, замолвите слово перед государем, — шептал бледный конюший, озираясь на каждый шорох. — Вчера он велел запороть до смерти двоих мальчишек-поварят за пересоленную похлёбку. Мы все здесь ходим под плахой…

— Я попытаюсь, — глухо отзывался он, пряча трясущиеся ладони в глубоких рукавах чёрного суконного одеяния. — Но разум короля погрузился в морок. Отказ Стефана гниёт в его сердце подобно застарелой язве, и кровь лишь подстёгивает эту жажду.

На исходе четвёртой недели осады пограничья Манфред понял: молитвы бессильны. Прогнивший пень нужно было подрубить под корень.

Вечер опустился на Сарком густой, промозглой мглой. Поднимаясь по винтовой лестнице в королевскую башню, проповедник ощущал под тканью пояса приятную, отрезвляющую тяжесть широкого охотничьего кинжала с рукоятью из морёного дуба. Судьба сама вела его: Ульрих, терзаемый очередным приступом паранойи, приказал личной страже очи-

стить ярус и ожидать внизу, у подножия башни, пожелав поговорить с советником с глазу на глаз.

В опочивальне стояла духота. В огромном очаге гудело смолистое пламя из берёзовой древесины. Король метался по комнате широкими неровными шагами, волоча за собой подбитый горностаем подол длинной шёлковой мантии. Седые, нечёсаные космы падали на его запавшие щёки.

— Мы сломаем их хребет, Манфред! — взвизгнул монарх, не оборачиваясь на вошедшего. — Южные собаки привыкли жировать на наших хлебах! Кем возомнил себя этот молокосос Стефан II? Плюнуть в лицо королю Рангельстрига? Ха! Завтра я прикажу выставить пленных на передовых валах. Пусть южане любуются, как с их родичей сдирают кожу живьём!

— Государь… — голос Манфреда прозвучал тихо, но удивительно ровно, словно глухой удар молота о наковальню. — Я слишком хорошо помню прошлый показ. Вся крепость помнит его.

Ульрих замер, резко крутанулся на пятках и уставился на советника. Глаза короля налились мутной кровью, рот искривился в презрительной усмешке. Он подошёл вплотную, тыча костлявым пальцем в массивную грудь советника:

— Ты осуждаешь меня? Ты смеешь перечить монаршей воле? Да я бы собственными руками, простой оловянной ложкой проломил череп Стефана и выскреб оттуда его гнилые мозги! Я — единственный повелитель этой земли, и ни-

кто не смеет…

Договорить он не успел.

Словно густой багровый занавес рухнул перед взором советника, отсекая страх и сомнения. Мышцы сработали быстрее мысли. Правая рука Манфреда метнулась под полу рясы, клинок с металлическим шелестом покинул кожаные ножны, и исполин по самую рукоять вогнал закалённую сталь снизу вверх — прямо в раскрытое горло короля.

Раздался сухой, мерзкий хруст шейных хрящей. Остриё ножа упёрлось в основание черепа. Глаза Ульриха полезли из орбит, рот распахнулся в немом крике, но наружу вырвался лишь горячий пенный фонтан тёмной крови, окативший лицо и руки советника. Король захрипел, судорожно вцепившись скрюченными пальцами в воротник Манфреда, и со всей силы ударил убийцу слабеющим кулаком в грудь.

Манфред не шелохнулся. С остервенением провернув клинок в ране, он с силой рванул его назад и отшвырнул нож на окровавленный ковёр. Ульрих покачнулся, его колени подогнулись, и монарх мешком рухнул на пол, судорожно скребя полированные каменные плиты слабеющими ногтями.

Спустя минуту всё стихло. В комнате раздавался лишь треск дров в камине да тяжёлое, хриплое дыхание Манфреда.

Оцепенение спало внезапно, словно на голову вылили ушат ледяной колодезной воды. Убийца в ужасе оглядел свои руки, покрытые алым багрянцем. Если сейчас в коридоре по-

кажется патруль — всё кончено. Манфред метнулся к двери и решительным движением опустил массивный дубовый засов в кованые пазы, отрезая опочивальню от остального замка.

Выход оставался один. Распахнув узкое стрельчатое окно, проповедник перелез через подоконник наружу. Пронизывающий ветер хлестнул в лицо. Сдирая кожу пальцев о ледяной влажный гранит кладки, он осторожно преодолел несколько саженей по узкому декоративному карнизу и спрыгнул на пустую галерею внутреннего перехода.

В замковой умывальне Манфред яростно отмыл руки и лицо, сорвал забрызганный кровью камзол и швырнул его в горящую печь. Сердце колотилось в горле. Спустя пару минут он уже барабанил в дверь покоев военачальника Драко Крита.

— Драко, беда! — выдохнул советник, едва офицер отворил дверь. — Король приказал мне явиться, но двери заперты изнутри, а за ними — мёртвая тишина. Надо ломать!

Они вихрем взлетели обратно по ступеням башни. Но стоило Драко толкнуть створку плечом, как дверь легко распахнулась внутрь. Дубовый засов был откинут.

Манфред застыл, не веря собственным глазам. В полумраке опочивальни, освещённой лишь углями очага, над бездыханным телом Ульриха склонился человек в грязном охотничьем кушаке с синими нашивками Стерлиха. Лазутчик Стефана II, выбравшийся из замковых стоков, действительно

шёл на цареубийство. Но, найдя жертву уже мёртвой, ошеломлённый наёмник в растерянности подобрал с ковра валявшийся нож, силясь осмыслить происходящее.

Драко Крит не задавал вопросов.

Тяжёлый двуручный эспадон с хищным свистом покинул ножны за спиной военачальника. Один чудовищный рубящий взмах — и сталь наискось перерубила ключицу и грудину шпиона, разорвав его тело почти надвое. Лазутчик осел без единого звука.

Драко опустил меч, тяжело дыша, и посмотрел на Манфреда:

— Лазутчик Стефана пробрался через окно, пока король был заперт на ночную молитву. Государь пал. Я зарубил лазутчика на месте преступления, — отчеканил Крит, вытирая лезвие о край плаща убитого. — Такова наша правда, Манфред. Сейчас же отправляем скорохода к Роберту Крону в руины Родлена. А завтра в полдень ты принимаешь корону перед войском. Иначе бунтующий народ перережет нам глотки к закату.

— Да, — прошептал Манфред, не отрывая взгляда от безжизненного лица Ульриха. — Я сделаю это.

Полночь застала Пятерых Господ Рангельстрига в малом сводчатом покое. Пламя свечей колыхалось от сквозняков.

— Уж не твоих ли рук это дело, советник? — прищурившись, проскрипел Золотой Господин, нервно барабаня унизанными перстнями пальцами по столу.

— Короля зарезал наёмник Стефана, — холодно парировал Манфред, чувствуя, как ногти впиваются в ладони под рукавами рясы. — Но разве эта смерть не спасает страну? Разве не об окончании этой проклятой бойни мы молили Богов все четыре года? Завтра в полдень я принимаю венец и объявляю мир со Стерлихом.

— С какой стати власть переходит тебе? — вскинулся Морской Господин. Старый корсар презрительно сплюнул на плиты. — Отдай правление Господину Закона!

В груди Манфреда мгновенно вспыхнуло то же дикое, тёмное бешенство, что накрыло его час назад в спальне короля. Он навалился на стол всем своим исполинским весом, нависая над адмиралом:

— Я был тенью и десницей монарха! И советую вам, адмирал, попридержать язык перед тем, кто завтра станет вашим государем. Иначе к закату ваши корабли примет другой капитан!

Морской Господин стиснул зубы, его лицо пошло багровыми пятнами, но он отвёл взор.

Остаток ночи обернулся для Манфреда сущим кошмаром. Едва он проваливался в дрёму, как потолок спальни обращался в чернеющее небо Саркома. На помосте стоял обезглавленный Ульрих, держа в руках собственную гниющую голову, а из обрубка шеи лезли жирные могильные черви: *«Ты думал, сталь даст тебе покой, поп?! Трон — это плаха! Твоя очередь платить!»*

Манфред с хрипом подскочил на ложе, задыхаясь от липкого пота. До самых первых петухов он просидел на полу, вжимаясь спиной в угол и сжимая рукоять кинжала при каждом шорохе ночного ветра.

А тем временем за сорок вёрст к востоку, среди замшелых обломков древней твердыни Родлен, мелкий дождь заливал дозорные костры гарнизона.

Роберт Крон стоял на полуразрушенном парапете, кутаясь в потрёпанный серый плащ. Его полуторный меч привычно покоился на сгибе локтя. В свои двадцать семь лет этот воин повидал слишком много крови, чтобы верить в чудеса.

Внизу захрипела загнанная лошадь. По скользким ступеням поднялся гонец, сжимая в руке свиток с чёрным сургучным оттиском.

Роберт сломал печать и медленно прочёл донесение. Лицо командира оставалось неподвижной маской.

— Король Ульрих мёртв, — негромко бросил он сотнику Ричарду Колну. — Лазутчик Стерлиха проник в запертые покои через стрельчатую раму. Манфред объявляет перемирие и возлагает на себя корону.

Ричард с облегчением перекрестился:

— Хвала небесам! Неужто возвращаемся в Роллдейл? Манфред ведь человек праведный, чуткий. При нём народ вздохнёт свободно!

Роберт Крон медленно свернул бумагу и устремил взор на запад, где сквозь серую пелену тумана угадывался тракт на

Сарком.

— Лазутчик минует тройное кольцо постов, режет монарха за запертым засовом, и тут же в спальне возникает Драко с обнажённым клинком… — глухо проговорил Роберт. — Седлайте коней, сотник. Мы уходим из Родлена.

— Думаешь, войны больше не будет?

— Со Стерлихом — возможно, — Роберт бросил свиток в угли дозорного костра, и , как огонь пожирает вензель Манфреда. — Но те, кто ступает на трон по свежей крови в запертой комнате, никогда не насытятся одной жертвой. Настоящая война только начинается.

Глава II. Ут

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.